

О ПРЕДМЕТЕ
И МЕТОДАХ ГЕОГРАФИИ

ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ НА ЗАСЕДАНИИ КОРОЛЕВСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Что такое география? Кажется странным задавать такой вопрос Географическому обществу, но есть по крайней мере две причины, по которым на него следует дать ответ, желательно — прямо сейчас. Во-первых, географы в последнее время активно добиваются для своей дисциплины более заметного места в учебных программах наших школ и университетов. Мир, в особенности мир образования, спрашивает в ответ: «Так что же такое география?» В этом вопросе звучит ирония. В образовательной битве, которая разворачивается на наших глазах, вполне может родиться ответ на этот вопрос; ведь у нас, по сути, хотят узнать, может ли география считаться научной дисциплиной, а не просто скоплением фактов? Из упомянутого вопроса вырастает другой, более общего свойства, — вопрос о предмете и методах нашей науки.

Вторая причина, по которой я настоятельно призываю именно сейчас обратить внимание на вопрос, что такое география, является внутренней причиной. На протяжении полувека несколько обществ, прежде всего наше с вами Географическое общество, деятельно способствовали изучению мира. Есте-

ственным результатом исследований стало то обстоятельство, что мы приближаемся к завершению списка великих открытий. Полярные области остаются единственными белыми пятнами на наших картах. Новому Стэнли* больше не суждено открыть Конго и предъявить эту реку восхищенному миру. Какое-то время возможно посвятить проникновению в Новую Гвинею, Африку и Центральную Азию, а также картографированию приполярных областей. Думаю, новых Грили** еще ждут радушные приветствия, а своими свершениями они докажут, что мир вовсе не оскудел героями. Но по мере того как рассказы о путешествиях и приключениях станут звучать все реже и реже, по мере того как вместо них начнутся топографические съемки, даже члены географических обществ примутся уныло вопрошать: «Что же такое география?»

Нет необходимости пояснять, что эта статья попросту не была бы написана, возникни у меня подозрение, что Королевское географическое обще-

* Имеется в виду Генри М. Стэнли, английский путешественник, исследователь Африки; экспедиция под его началом в 1871 г. отыскала на озере Танганьика пропавшего миссионера Д. Ливингстона. В 1876–1877 гг. Стэнли пересек Африку с востока на запад, изучив более 5000 км сухоходного пути по матерiku, в том числе течение реки Конго. — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

** Адольф В. Грили — американский путешественник, один из основателей Национального географического общества США, в 1881–1884 гг. командовал научно-исследовательской экспедицией на север Канадского арктического архипелага.

ство должно вскоре распуститься — под плач коллективного Александра Македонского, сетующего, что больше не осталось земель, которые можно покорить. Нет, наши грядущие труды предвосхищают такие публикации, как статья мистера Уэллса о Бразилии, статья мистера Бьюкенена о Мировом океане и работа мистера Брайса о взаимосвязи истории и географии*. Тем не менее, мы обеспечим себе немало преимуществ, вступая на этот новый путь, если наши глаза будут хотя бы приоткрыты, а не зажмурены. Обсуждение вопроса, вынесенного в название доклада, способно превратиться в очередное дополнительное преимущество и вручить нам новое оружие в образовательной схватке.

Первое, на чем следует сосредоточить внимание, это попытка понять, является ли география единой — или она включает в себя несколько предметов? Точнее говоря, являются ли физическая и политическая география двумя этапами одного исследования или отдельными предметами, которые надлежит изучать различными методами, геологическими в одном слу-

* Англичанин Джеймс У. Уэллс в 1886 г. опубликовал «Очерк о физической географии Бразилии», а чуть позднее в том же году выпустил книгу «Путешествуя и исследуя: три тысячи миль по Бразилии — от Рио-де-Жанейро до Мараньяна, с приложением статистики и наблюдений по климату, железным дорогам, главным сахарным производствам и прочему». В том же году вышли статья шотландского географа Джона Бьюкенена «Сходства в физической географии великих океанов» и статья английского геолога и естествоиспытателя Джеймса Брайса «География в ее отношении к истории». Х. Макиндер выступил со своим докладом в 1887 г.

чае и историческими во втором? Данному вопросу не так давно посвятил часть своего выступления председатель географической секции Британской ассоциации*. В своем выступлении в Бирмингеме он занял предельно четкую позицию; вот его слова:

«Трудно совместить амальгаму всего того, что можно считать «научной» географией, с историей. Они настолько же далеки друг от друга, как геология от астрономии».

Мне претит так поступать, но я осмелюсь возразить столь уважаемому и авторитетному специалисту, как сэр Фредерик Голдсמיד**. Я вынужден совершить этот шаг потому, что искренне убежден: то соотношение наук, которое было обрисовано публике в выступлении в Бирмингеме, губительно для перспектив географии как научной дисциплины. Кроме того, я принял к сведению заявление сэра Фредерика Голдсмита о том, что он готов отказаться от этого умозаключения, если ему приведут в опровержение сколько-нибудь веские доводы. В обсуждении такой щекотливой темы, как наша, с моей стороны было

* Имеется в виду Британская научная ассоциация, основанная в 1831 г. для «содействия становлению наук в Англии». В 1851 г. географическая секция ассоциации обрела самостоятельность, выделившись из геологической.

** Британский дипломат и армейский офицер (генерал-майор), много лет трудился в Индии, Иране и на Ближнем Востоке, а также в Африке. По возвращении на родину занялся наукой (как любитель-энтузиаст) и снискал известность как плодовитый автор научно-популярных обзоров и статей в «Британской энциклопедии».

бы крайне самонадеянно предполагать, что мои доводы являются действительно весомыми. Я привожу их лишь потому, что, насколько мне известно, эти доводы не рассматривались и не критиковались в упомянутом выступлении. Возможно, сэр Фредерик Голдсמיד всего-навсего выразил смутные опасения относительно географии, разделяемые большинством современных людей. Это допущение тем вероятнее, что в данном заявлении он употребил аргументы в пользу мнения, противоположного тому, которое ранее формулировал он сам*.

На той же странице, с которой взята приведенная выше цитата, я обнаружил абзац, исполненный высочайшего восхищения перед статьей мистера Брайса «География в ее отношении к истории». Главное утверждение статьи мистера Брайса состоит в том, что человек в значительной степени является «творением окружающей среды». Политическая география должна проследивать взаимоотношения человека с этой окружающей средой. Сэр Фредерик Голдсמיד требует от политической географии, чтобы та предоставляла нашим будущим государственным деятелям «полное

* Сэр Фредерик Голдсמיד написал крайне любезный и содержательный ответ на это замечание. Из его письма мне стало понятно, что я приписал его словам тот смысл, который в них не вкладывали. Приношу свои глубочайшие извинения. Тем не менее, я оставил этот абзац для публикации, поскольку, полагаю, не я один неправильно истолковал высказывание сэра Фредерика. Между тем его высказывание не составит труда использовать как довод против географов, тем паче что эти слова принадлежат давнему другу нашей науки. — *Примеч. автора.*

понимание» различных «географических условий». Как видим, пока никакого противоречия во взглядах не наблюдается. Но он, кажется, воображает, будто означенное «полное понимание» возможно обрести из предмета, который останется после устранения из рассмотрения «физической и научной» географии.

Прежде чем продолжить, следует проверить, допустимо ли уточнить наше определение географии как науки. Физиология отвечает определению науки, которая прослеживает взаимодействие человека и окружающей его среды. Задача физиологии, равно как и физики с химией, заключается в том, чтобы фиксировать воздействие разнообразных сил, по большей части вне зависимости от их точного местоположения. Для географии особенно показательно ее внимание к местности, то есть к окружающей среде, которая изменяется локально. Пренебрегая этими исследованиями, она из географии становится простой физиографией*, существенный топографический элемент почему-то удаляется. Поэтому я предлагаю определять географию как науку, основная задача которой состоит в прослеживании взаимодействий человека в обществе и в той части окружающей его среды, которая видоизменяется от территории к территории**.

* Физическая география, ныне один из разделов географии как цельной научной дисциплины. В XIX столетии — раздел естествознания, наука, задачей которой считалось составление достоверного описания земной поверхности.

** Другое определение с несколько иной точки зрения см. в моей вступительной речи, предварявшей обсуждение: «Это наука о распределении, наука, которая отслеживает распо-

До рассмотрения этого взаимодействия нужно проанализировать элементы, в нем участвующие. Одним из этих элементов* выступает меняющаяся среда, и анализом этого элемента, по моему мнению, должна заниматься физическая география. Тем самым мы приходим к выводу, прямо противоположному нынешним представлениям. Мы считаем, что невозможна рациональная политическая география, которая не опирается на физическую географию и не является ее следствием. В настоящий момент мы вынуждены приспособливаться к иррациональной политической географии, которая утверждает, что главная задача науки не подразумевает выявления причинно-следственных связей, а потому эта география должна оставаться совокупностью разобщенных и отрывочных сведений, подлежащих запоминанию. Такая география никогда не станет научной дисциплиной, ее никогда и ни при каких обстоятельствах

жение предметов на поверхности земного шара». — *Примеч. автора.*

* Другим элементом, разумеется, является человек в обществе. Здесь анализ очевиднее и проще, нежели в случае окружающей среды. Образчиком рассуждений можно признать «Физику и политику» Бейджхота. Сообщества людей должны трактоваться как социальные единицы, ведущие борьбу за существование в условиях более или менее благоприятной для них среды. — *Примеч. автора.* У. Бейджхот — британский журналист и популяризатор науки; в работе, на которую ссылается Х. Маккиндер, утверждалось, что ранним цивилизациям «грубых людей» ценности современного либерализма попросту неведомы, но, по мере утверждения морали в обществе, эти цивилизации «взрослеют» и начинают допускать больше свободы и разнообразия. — *Примеч. перев.*

не будут преподавать в школе, и она ни за что не внушит к себе почтение в умах тех, кому предназначено править этим миром.

На это мне могут возразить следующим образом: для целей политической географии разве нельзя удовлетвориться более поверхностным и более просто осваиваемым способом изучения, нежели тот, который предлагает физическая география? Мой ответ будет таков: подобные способы уже пытались применять, но результаты разочаровали. На практике куда легче освоить подлинно научный анализ, действуя поступательно и исправно утоляя инстинктивную любознательность, побуждающую нас постоянно задаваться вопросом: «Почему?», нежели накапливать объемы сведений и имен из старых школьных учебников или фрагменты так называемой описательной географии. Топография, то есть география с объяснениями «почему вот так», почти единодушно отвергается как учителями, так и учениками.

Существуют и другие причины, обуславливающие нашу позицию, причины более важные, чем удобство обучения. Перечислю три из них. Первая такова. Если постичь значение старого термина «физические особенности» в причинно-следственных связях, изучать предмет становится все проще и проще. Новые факты без труда вписываются в общую схему. Они проливают новый свет на все ранее полученные знания, а эти знания, в свою очередь, подчеркивают те или иные признаки новых фактов. Впрочем, когда получил распространение описательный метод, не говоря уже о методе перечисления, каждый дополнительный факт стал усугублять то

бремя, которое выпало нести человеческой памяти. Попробуйте подбросить еще один камешек в грудку гальки — рано или поздно она развалится. Или попробуйте изучать математику, пытаясь запоминать формулы, а не постигать принципы.

Вторая причина, если коротко, следующая. Поверхностный анализ, скорее всего, приведет к ошибкам. С одной стороны, мы видим нежелание углубляться в суть вещей дальше их наружного сходства, хотя они принципиально различаются по сути; с другой стороны, так не выявят существенные сходства объектов, которые внешне выглядят по-разному.

Третья причина такова. Разум, жадно усваивающий факторы окружающей среды в их истинных отношениях, будет, вероятно, открыт плодотворным озарениям относительно новых форм взаимодействия человека и окружающей среды. Даже если это не обернется ускорением развития науки, те же условия приведут к быстрому, четкому и, следовательно, правильному восприятию отношений и форм, обнаруженных ранее.

Пожалуй, здесь стоит сделать паузу и подвести промежуточный итог, обозначив следующие ключевые выводы:

1. Мы согласны, что задача политической географии состоит в выявлении и демонстрации отношений, существующих между человеком, который находится в обществе, и окружающей его средой, которая видоизменяется локально.

2. В качестве предварительного этапа следует проанализировать два фактора.

3. Задача физической географии — изучение одного из этих факторов, а именно изменяющейся окружающей среды.

4. Никакая другая дисциплина не способна справиться с этой задачей, поскольку никакой иной анализ не в состоянии предъявить факты в их причинно-следственных отношениях и в истинной перспективе.

Следовательно, никакой другой анализ:

- во-первых, не годится в помощь учителю;
- во-вторых, не привлекает талантливых учеников;
- в-третьих, не шадит ограниченную человеческую память;
- в-четвертых, не заслуживает большего доверия при всей своей гибкости;
- в-пятых, не возбуждает воображение сильнее.

Здесь мы должны ожидать замечания, что, допуская желательность всего того, о чем было сказано, мы, тем не менее, просим невозможного. В ответ укажу, что данный способ и его применимость еще не проверялись на практике. За физическую географию обыкновенно берутся те, кто уже обременен познаниями в геологии, а за политическую географию — те, кто погружен в историю. Нам только предстоит познакомиться с человеком, который, занимая центральное, если угодно, географическое положение, будет одинаково беспристрастно использовать соответствующие достижения науки и сведения из истории, имеющие отношение к его исследованию. В конце концов, знание едино, однако предель-

ная специализация, характерная черта современности, скрывает, как кажется, этот факт от некоторого числа умов. Чем больше мы специализируемся, тем больше места появляется и тем выше потребность в ученых, чьей постоянной целью станет выявление отношений между теми или иными объектами. Одна из величайших пропастей нынешней науки — пропасть между естествознанием и изучением человечества. Обязанность географа заключается в том, чтобы построить мост через пропасть, наличие которой, по мнению многих, нарушает равновесие нашей культуры. Если отсечь любую долю географии, мы искалечим ее благородный облик.

При всем том мы отнюдь не закрываем глаза на необходимость специализации в самой географии. Если вы стремитесь к творческой деятельности в науке, вам придется специализироваться. Но для этой цели физическая и политическая география непригодны, как и дисциплина в целом. Более того, избранное направление вовсе не обязательно будет принадлежать к одной или другой области; не исключено, что оно окажется посередине. География подобна дереву, ствол которого низко от земли разделяется надвое, а ветки выше, на каждой половине, изгибаются и переплетаются между собой. Кажется, что выбрал несколько соседних веток, но потом понимаешь, что они идут от разных стволов. Впрочем, рассуждая об образовании и о плодотворной специализации в рамках предмета, мы настаиваем на преподавании и понимании географии как таковой.

Вопрос о возможности усвоения предмета естественным образом подводит нас к вопросу о взаи-